

Тесля А. А. Между Вл. Соловьевым и «национализмом»: «Размышления о национальности» С. Н. Булгакова в контексте споров о национал-либерализме 1909–1910 гг. // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2018. — Т. II, № 3. — С. 89–106.

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

МЕЖДУ ВЛ. СОЛОВЬЕВЫМ И «НАЦИОНАЛИЗМОМ»**

«РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАЦИОНАЛЬНОСТИ» С. Н. БУЛГАКОВА
В КОНТЕКСТЕ СПОРОВ О НАЦИОНАЛ-ЛИБЕРАЛИЗМЕ 1909–1910 ГГ.

Аннотация: После революции 1905 г. среди либеральных публицистов и философов происходит сдвиг в сторону относительной реабилитации «национализма» как понятия и попытки к формированию национал-либеральной позиции. Ключевую роль в этом процессе играет П. Б. Струве, с 1906 г. занимавший в кадетской партии достаточно маргинальную в идейном плане позицию, сдвигаясь все более «вправо» по отношению к основному ядру партии — но в силу предшествующей деятельности в «освободительном движении» и интеллектуальной репутации во многом способный определять повестку обсуждения. Показательно, что сборник «Вехи», ставший главным интеллектуальным событием 1909 г., обсуждался во многом именно в контексте «национализма» — а в качестве его своеобразного продолжения планировался сборник, посвященный именно «национализму». С. Н. Булгаков, один из основных авторов «Вех», в это время обращается к анализу проблематики «наций», «национализма» и связанных с ними понятий — стремясь в рамках философской традиции Вл. Соловьева, придавшего «национализму» однозначно негативное значение, реабилитировать вкладываемый в него смысл (пожертвовав самим термином). Выстраивая собственную концепцию «нации» вслед за Соловьевым как сугубо ограницистскую, в отличие от Соловьева Булгаков реабилитирует конкретное государство как выражение соответствующей нации — тем самым, в отличие от имперской оптики Соловьева, предлагая видение в качестве нормативного национального государства. Детальный анализ «Размышлений о национальности» демонстрирует, что стремление утвердить национальный подход в рамках логики философии Вл. Соловьева вынуждает Булгакова к жесткой эксклюзивной концепции национального государства, не преодолеваемой посредством христианского универсализма, поскольку каждой нации приписывается собственный «национальный мессианизм» и свое, органически обусловленное, понимание Христа.

Ключевые слова: национал-либерализм, русский национализм, философия всеединства, философия Вл. Соловьева, философия С. Н. Булгакова.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-3-89-106.

*Тесля Андрей Александрович, к. филос. н., старший научный сотрудник Academia Kantiana Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. И. Канта (Калининград), mestr81@gmail.com.

**© Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Данное исследование было поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944), выдающийся русский философ и богослов, при всей широте и динамике своих интересов редко обращался к проблематике «наций» и «национализма». В этом отношении он гораздо больше говорил и писал, особенно в первые два десятилетия XX в., о свойствах «русского народа»; в 1910-е — о «русском царстве», смысле самодержавной власти т. п. Иными словами, в контексте названной проблематики он был преимущественно автором, стремящимся дополнить, конкретизировать или переосмыслить содержание «русской идеи», чем аналитически работать с исходными понятиями, и использовал их в общепринятом употреблении, не делая предметом философской рефлексии. Более того, следуя господствующей традиции, Булгаков предпочитал говорить о «народе» и присутствующем ему «духе», тем самым усиливая эффект понятийной нечеткости посредством обращения к обыденному языку, одновременно избегая напряжений, связанных с понятием «нации» и производных от него, поскольку в русской общественной мысли второй половины XIX — начала XX вв. «народ» (как, например, и аналогичные ему *le peuple* или *Volk* в контексте французской и немецкой соответственно) имел либо нейтральный, либо, чаще, положительный смысл независимо от места говорящего в политическом спектре.

Тем примечательнее, что в 1910 г. Булгаков специально обращается к проблематике «нации» и предлагает собственное теоретическое видение вопроса в опубликованной первоначально в «Вопросах философии и психологии» статье «Размышления о национальности». Однако прежде чем рассмотреть само содержание работы, необходимо кратко обозначить контекст ее появления.

Революция 1905 г. и новая политическая реальность, возникшая в Российской империи после обнародования манифеста 17 октября, повели к существенным изменениям и в отношении круга понятий, связанных с «нацией», «национальным» и «национализмом». С одной стороны, согласно А. И. Миллеру, именно эта повестка оказалась во многом приватизирована правыми и охранительными течениями, — в данном случае перед нами простое продолжение прежних идеологических разграничений в новых условиях. Понятие «национализма» по меньшей мере с 1890-х гг. оказалось применительно к «русскому национализму» практически однозначно негативно окрашено в глазах социалистической и либеральной общественности, при этом негативные коннотации распространялись и на понятие «национализм» в целом, независимо от того, о «национализме» какой именно общности шла речь — оказываясь

тесно связанным с «шовинизмом», «зоологическими» ассоциациями и т. п. (Миллер, 2016: 74–77).

Но вместе с тем само понятие «нации» и «национальных движений» было во многом свободно от подобных коннотаций — как оставалось в русском контексте таковым и впоследствии, на протяжении большей части XX в. (достаточно вспомнить «национально-освободительные движения»). Это, особенно в сочетании со сравнительно недавним приобретением «русским национализмом» преимущественно негативных коннотаций, давало возможность для попыток переопределения «национализма» и возвращения этого понятия в язык либеральной и социалистической российской мысли с позитивным значением. Примечательно, что еще в 1901 г. П. Б. Струве (под псевдонимом «Н. Борисов») публикует в «Вопросах философии и психологии» этапную для него работу «Что же такое истинный национализм?», в которой стремится увязать для отечественной публики воедино национализм и логику гражданских прав, в заключении статьи заявляя:

Если верно, что «нация есть начало духовное», то истинный национализм не может быть ничем иным, как безусловным уважением к единственному реальному носителю и субъекту духовного начала на земле, к человеку (Струве, 1999: 44).

В вышедшем в следующем году сборнике «Проблемы идеализма» П. Б. Струве (под криптонимом «П. Г.») писал:

Русская метафизика в лице Владимира Соловьева исполнила и крупное общественное дело, дав впервые *идеалистическую* критику славянофильства и катковизма и тем установив, что философский идеализм и государственный позитивизм непримиримы по духу. Это — огромная заслуга, часто восхваляемая, но недостаточно еще оцененная по своему философскому смыслу (П. Г., 2018: 108).

Тем самым уже сугубо терминологически Струве стремится локализовать критику Соловьева «славянофильством» и «катковизмом», утверждает ее направленность на «государственный позитивизм» (а не «национализм»).

С новой остротой полемика развернулась в 1908–1909 гг., когда целый ряд интеллектуалов, близких к Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), явным образом поставили в центр обсуждения проблематику национализма. Так, откликаясь на антикритику Д. В. Философова по поводу критической заметки М. О. Мень-

шикова на сборник «Вехи», Струве, обыгрывая реакцию на ключевые понятия, в марте 1909 г. писал:

Только что Д. С. Мережковский и Д. В. Filosoфoв приручили социал-демократов и приручили их не кричать благим матом и даже не делать буки в присутствии дам «Религии» (конечно, Третьего Завета) и «Церкви» (конечно, не существующей, а будущей). Превосходно. Но почему же тот факт, что явились несколько литераторов и имели дерзость привести с собой господ «Патриотизм» и «Национализм», все испортил? Оказывается, что в присутствии таких господ «никакой откровенный разговор невозможен». Почему? Потому что эти «господа» не просто господа, а настоящий «волк», который для всей интеллигенции должен быть так же «страшен», как всюду проникающий и всякое обличие принимающий «кадет» страшен для читателей г. Меньшикова. В присутствии «Религии» и «Церкви» г. Filosoфoв надеялся «выйти из мелких партийных дрызг, перейти к разговорам по существу». Но теперь это невозможно. «Волк» ему помешал. Каким же образом «национализм» превратился в «волка»? — спросит изумленный читатель. Как это ни странно, страшный волк весь «сделан» из тех же пресловутых «проекции», пущенных в ход П. Н. Милюковым. Вот С. Н. Булгаков и Н. А. Бердяев. Не угодно ли прибегнуть к «проекции», и вы получите проповедника «уваровской» триады, д-ра Дубровина, «Гамзея Гамзеича». Ведь написал же соблазненный «проекцией» один провинциальный журналист саженный фельетон буквально под таким заглавием: «Петр Бернгардович и Гамзей Гамзеевич» (Струве, 1997: 211).

Примечательно, что в вышедшем как ответ на «Вехи» сборнике «Интеллигенция в России», инициатором которого выступил П. Н. Милюков, мы видим весьма сложную картину отношения к «национализму» и всему комплексу связанных с ним понятий. Так, в статье Н. А. Гредескула «Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл» отмечается, что традиционно господствующая мысль интеллигенции была «о народе — как о социальном члене *внутри* нации или *внутри* государства, о народе как о подчиненной массе — в противоположность господствующим классам общества» (Гредескул, 2007: 28). Но эта ситуация, согласно автору, принципиально изменилась в результате революции 1905 г.: «политически родилась нация, духовно пробудился к своим задачам целый народ» (там же: 60).

Тем самым прежнее разделение утратило свою силу — и испуг М. О. Гершензона перед народом¹ есть лишь пример той самой «интеллигент-

¹Имеются в виду ставшие скандально знаменитыми слова из статьи М. О. Гершензона «Творческое самосознание»: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии

ской» реакции на происходящие события, которые авторы сборника подвергли (само)критике. Со своей стороны Милуков, в наиболее обширной и концептуально основополагающей статье сборника, «Интеллигенция и историческая традиция», первоначально обозначает историческое расхождение либерализма с национализмом в России (Милуков, 2007: 132–133), далее давая свое определение национализма:

Национализм и патриотизм, вообще говоря, не есть простой элементарный инстинкт любви к «своему», с которым они иногда отождествляются. Это есть более сложное чувство, *сообща осознаваемое* в процессе культурного развития нации и прикрепленное к чему-нибудь осязательному, что для всех является одинаково понимаемым символом. Сперва это — символ принадлежности к «своим», к своему «роду», а потом и символ стремления к общим целям, общим задачам. Первое, т. е. чувство родовой принадлежности, являющееся раньше всего, конечно, всего естественнее прикрепляется к вещам, которые не меняются, к воспоминаниям вместе прожитого и вместежитого: к истории, к преданию. Но без второго, без вечно живой и вечно развивающейся волевой и целесообразной *совместной же* деятельности, без объединения воли народа на очередной, одинаково понимаемой всеми национальной задаче, первое чувство мертво. Одним преданием оно жить не может или, точнее, не может подняться над «этнографическими основаниями народного единства». Эти основания — самые непрочные, при всей своей кажущейся вековой неподвижности, и наименее способные цементировать общество, при всей своей однородности. Только расчленение однородной этнографической массы, ее внутренняя организация при помощи выделяемого ею социального «чувствилища», ее интеллигенции, может связать массу единым чувством взаимной связи, общего интереса и общего блага. В этом смысле появление интеллигенции есть необходимое предварительное условие для возникновения национального самосознания. «Национализм» есть уже продукт интеллигентного творчества. Возникая на почве предыдущей стихийной эволюции, более или менее продолжительной, он вкладывает задним числом определенный смысл и сознательность в этот подсознательный стихийный процесс (там же: 142–143).

Соответственно, Милуков отмечает не только естественность, но и необходимость «национализма», одновременно соглашаясь, что

у интеллигенции в ходе истории появились [...] черты [...] ненормальные и отрицательные: излишняя отвлеченность доктрины, непримиримый радикализм тактики, сектантская нетерпимость к противникам и аскетическая

с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» (Вехи..., 1991: 101).

цензура собственных нравов. Можно сказать, что у интеллигенции сложился свой собственный патриотизм — государства в государстве, особого лагеря, окруженного врагами [выд. нами. — А. Т.]. В жестоких словах г. Гершензона, к несчастью, есть доля истины. [...] Эмигрантское настроение нашей интеллигенции с течением времени крепнет и обостряется, по мере того как представители ее объявляются — и сами сознают себя «лишними людьми» (Милуков, 2007: 148, 149).

Дальнейшая полемика Милукова с авторами «Вех» по вопросу о национализме направлена на выяснение вопроса причины и вины за создавшееся положение:

...переход к новому строю, в котором основное условие национальной солидарности — наличие народного представительства — получило хотя бы формальное удовлетворение, прежде всего вызывает необходимость коренного пересмотра всего наболевшего, тяжелого вопроса об особом интеллигентском патриотизме. Если вопрос все же остается по-прежнему мучительным и самые осторожные попытки прикоснуться к нему вызывают щемящую боль и невольную судорогу, то, конечно, это объясняется далеко не одной только застарелостью болезни. Объяснения надо искать в двусмысленном положении, в спорности вопроса: миновали ли окончательно те условия, которые создавали эмигрантский патриотизм? (там же: 151)

В том же 1909 г., когда вышли «Вехи», развернулась с участием Струве и полемика о «национальном лице» — вызванная частным эпизодом (см.: Толстая, 2013: 368–379), она вскоре переросла в обсуждение принципиальных вопросов понимания русского национализма с либеральных позиций (см.: Национализм..., 2015). Подытоживая свою критику сборника «Вехи», Милуков заявлял: «Вопрос о положительном содержании, на котором можно было бы основать русский национализм, остается самой темной из всех туманностей „Вех“. Причина этой недосказанности та, что именно здесь последние слова авторами „Вех“ еще недосказаны» (Милуков, 2007: 151). Эта слабость вполне осознавалась и самими авторами: уже в начале мая 1909 г., т. е. спустя полтора месяца после выхода сборника, началось предметное обсуждение нового сборника, на этот раз посвященного национализму (Колеров, 1996: 305–307); к сходной идее, согласно воспоминания С. Л. Франка, обращался Струве и весной 1910 г., стремясь «выявить и развить в коллективном труде положительное содержание тех идей, которые были выражены в „Вехах“ в отрицательной форме интеллигентского мирозерцания» (цит. по: там же: 307).

Такой попыткой со стороны одного из авторов «Вех» была статья С. Н. Булгакова «Размышления о национальности», впервые опубликованная в 1910 г. в журнале «Вопросы философии и психологии» (III, кн. 103) и затем републикованная автором в рубрике для него сборнике «Два града. Исследования о природе общественных идеалов» (Булгаков, 2008: 517–538) — и в силу как значимости дискуссии, так и философского масштаба Булгакова она заслуживает самого пристального анализа.

Прежде всего Булгаков определяет перспективу своего рассмотрения «вопроса о национальностях» как метафизическую, поскольку в «научном изучении» «не ставится и не вмещается общая метафизическая проблема нации, т. е. вопросы об ее природе, ценности, идее» (там же: 518). При этом, однако, «метафизическое» в данном контексте означает для Булгакова, что вопрос о природе «нации» не может быть решен исходя из научных средств — напротив, то, какое значение получают данные научные изучения, определяется уже существующим пониманием природы реальности. Следуя бинарной логике, Булгаков выделяет два противоположных подхода: номиналистический и реалистический, которым «в новейшей [философии] соответствуют позитивизм, эмпиризм или идеализм (конечно, „трансцендентальный“⁴) в их противоположности реализму мистическому или спиритуалистическому» (там же). Дальнейший ход рассуждений удобно представить схематически (см. таблицу 1), поскольку Булгаков дает свое понимание в противопоставлении им отвергаемому, т. е. номиналистическому.

Средневековая философия	Номинализм	Реализм
Современная философия	Позитивизм, эмпиризм, «трансцендентальный» идеализм	Реализм мистический (спиритуалистический)
Понимание природы реальности	«...бытие исчерпывается непосредственной данностью состояний сознания, которая в своем выражении и логической обработке облекается в символическую форму общих понятий и суждений» (Булгаков, 2008: 518)	«...действительность несравненно глубже опытной данности, показания опыта суть только касания подлинных <i>res</i> о нашу субъективность, ее изменчивые и несовершенные, неадекватные символы» (Булгаков, 2008: 518)

продолжение на следующей странице

начало на предыдущей странице

Понятие нации	«...нация всецело разрешается в совокупность фактов, так или иначе связанных с национальной жизнью, и есть только абстракция от этих фактов, или собирательное понятие в том смысле, в каком, например, лес есть совокупность многих деревьев. Совокупностью национальных черт и проявлений, определяемой через возможно полную enumeration simpliciter, принципиально исчерпывается [...] содержание понятия нации, а объяснение ее происхождения средствами, доступными истории, вполне разрешает ее проблему» (Булгаков, 2008: 518–519)	«...нация есть не только совокупность феноменологических своих обнаружений, исчисляемых и изучаемых наукой, но прежде всего некое субстанциональное начало, творчески производящее свои обнаружения, однако всецело не вмещающееся ни в одном из них и потому не сливающееся с ними. [...] <i>Нация есть</i> не как коллективное понятие или логическая абстракция, но как творческое живое начало, как духовный организм, члены которого находятся во внутренней живой связи с ним» (Булгаков, 2008: 519)
---------------	--	--

Таблица 1: *Два метафизических подхода к пониманию нации по С. Н. Булгакову*

Раскрывая свое понимание понятия «нация», Булгаков прежде всего фактически, не делая оговорок терминологического характера, приравнивает его к понятию «отечество», которое затем поясняет следующим образом:

Отечество (patria, patrie, Vaterland, fatherland, πατρίς) есть только расширенное понятие отцовства и сыновства, собрание отцов и матерей, породивших и непрерывно рождающих сыновство (Булгаков, 2008: 519–520).

«Реальное», «реалистское» понимание нации, отстаиваемое Булгаковым, означает, согласно ему, утверждение нации «как трансцендентной реальности, интуитивно опознаваемой в непосредственном переживании» (там же: 520):

Исходя из предпосылок мистического реализма, мы должны мыслить и чувствовать национальность лишь как некоторое субстанциональное бытие, существующее прежде сознания и составляющее его бытийственный *grūs*. Мы *сознаем* себя членами нации, потому что мы реально *принадлежим* к ней как к живому духовному организму. *Эта наша принадлежность совершенно*

не зависит от нашего сознания; она существует и до него, и помимо него, и даже вопреки ему [выд. нами. — А. Т.). Оно не только есть порождение нашего сознания или нашей воли, скорее, наоборот, само это сознание национальности и воля к ней суть порождения ее в том смысле, что вообще сознательная и волевая жизнь уже предполагают для своего существования некоторое бытийственное ядро личности как питательную органическую среду, в которой они возникают и развиваются, конечно, получая затем способность воздействовать и на самую личность (Булгаков, 2008: 520).

Несмотря на пафос «идеи нации как реального, кровного единства» (там же) и прямую отсылку, в связи с рассуждением о нации как о «расширенном понятии отцовства и сыновства», к религиозно-философской доктрине Н. Ф. Федорова (там же: 520 прим.), перед нами лишь риторически акцентированное понимание «нации», принадлежащее Вл. Соловьеву (см.: Тесля, 2018). В более позднем тексте, «Свете невечернем» (1917), Булгаков акцентирует другую составляющую понятия «нации» по Соловьеву — нации как части человеческого рода, элемента сложной иерархии (в которой совмещаются исторически последовательные и синхронные уровни): «Человечество существует как семья, как племя, как классы, как национальности, как расы, наконец, как единый человеческий род» (Булгаков, 2017: 639).

При этом, вслед за Соловьевым², он будет настаивать: «Бесспорно одно: что оно определенным образом организовано, *есть организм...*» (там же).

В 1910 г. Булгаков не умножает иерархию «организмов», а, напротив, утверждает: «Между индивидом и человечеством стоит только нация, и мы участвуем в общекультурной работе человечества как члены нации» (Булгаков, 2008: 532).

Любопытно, что, характеризуя противоположный своему взгляд, Булгаков замечает по поводу «теперешних сторонников неокантианского идеализма», что те «по некоторому недоразумению [...] говорят о создании национальной культуры». Под неназванными «сторонниками» имелась в виду русская секция «Логоса» (см.: там же: 707–712), участники которой в русском интеллектуальном контексте оказались соперниками и оппонентами авторов, группировавшихся вокруг книгоиздательства

²В «Оправдании добра» (1897, 1899) Соловьев писал о «всечеловечестве»: «Тело Христово как организм *совершенный* не может состоять из одних простых клеточек, а должно заключать и более сложные и крупные органы, каковые здесь естественно представляются отдельными народностями» (Соловьев, 1990: 366).

«Путь», к которым принадлежал Булгаков³. Однако гораздо более показательна с точки зрения реконструкции оптики Булгакова утверждаемая им невозможность выдвижения тезиса о «создании национальной культуры» с позиций «номинализма», к сторонникам которого одновременно причисляются Чернышевский, Милюков и молодые философы — участники «Логоса». При всей видимой нелогичности данного тезиса можно предположить следующую возможную линию рассуждения, приводящую к нему: мысля такую позицию в равной степени присущей «философии Просветительства, старого и нового» (Булгаков, 2008: 519), Булгаков увязывает ее с «космополитизмом» (критике которого, вместе с «национализмом», посвящен первый параграф гл. XIV «Оправдания добра»), пониманием «культуры» как универсальной, имеющей лишь количественные градации — на более или менее культурные народы, — и, следовательно, с этой точки зрения последовательным представлялось бы вести речь о «приобщении к культуре [как таковой]», о развитии последней, а не стремиться к созданию «национальной культуры». Однако интерес в данном пассаже вызывает иное — а именно, что одновременно в числе говорящих «по недоразумению» оказывается и Струве, поскольку его позиция в это время предполагает следующее понимание нации:

Нация есть, прежде всего, культурная индивидуальность, а самое государство является важным деятелем в образовании нации, поскольку оно есть культурная сила.

В основе нации всегда лежит культурная общность в прошлом, настоящем и будущем, общее культурное наследие, общая культурная работа, общие культурные чаяния (Струве, 1997: 67).

Напротив, в трактовке Булгакова «культурное наследие», «культурная работа» и «культурные чаяния», то есть то, что можно в той или иной степени эмпирически фиксировать и описать, есть лишь «обнаружения» субстанции, увязанной с органическим порядком — что влечет за собой радикальные следствия:

...человек, хотя получил вместе с образом Творца и творческие силы, все же есть тварь, а не свой собственный творец; он в этом смысле и сам для себя есть данность, т. е. создание. И создается человек, по непреложному определению Творца, как сын и вместе отец, как дочь или мать, не в вербальном только, но в реальном смысле, так как ветки деревьев не растут в лесу прямо из

³См. анализ ситуации с точки зрения социологии знания: Куренной, 2012: 181–217.

воздуха или из земли, но вырастают из ствола. И в этой реальности опять-таки бессильно что-либо изменить по существу наше сознание, так же точно, как русскому нельзя переродиться в иностранца, хотя бы он был такой же француз в душе, как фонвизинская бригадирша (Булгаков, 2008: 521).

Согласно Булгакову, теперь уже переходящему к цепочке утверждений, раскрывающих его понимание в динамике, «...национальность опознается в интуитивном переживании действительности или в мистическом опыте, в котором обнаруживается нуменальное бытие как сущее, лежащее в основе своей феноменологии» (там же: 523), — или, цитируя одно из самых известных высказываний Вл. Соловьева, открывающее его «Русскую идею» (1888), «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» (Соловьев, 1989: 219).

Хотя «в основе своей национальность есть подсознательный или, лучше, сверхсознательный инстинкт» (Булгаков, 2008: 523), однако процесс развития есть процесс осознания: в этом случае Булгаков предсказуемо прибегает к метафорическому противопоставлению «слепоты» и «зрячести», при этом само осознание

переживается как некоторое глубинное, мистическое влечение к своему народу, как любовь [...] в мистическом смысле, как некоторый род эроса, рождающего крылья души, как нахождение себя в единстве с другими, переживание соборности, реальный выход из себя, особый *transcensus* (там же: 524).

Следующим шагом Булгаков увязывает нации с государствами, толкуя последние (с примечательной ссылкой на речь Лассалья о Фихте) как порождаемые «самоутверждающимися национальностями, ищущими своего исторического бытия» (там же: 528) и добавляя:

Государства национальны в своем происхождении и в своем ядре [...] В этом смысле Россия, конечно, остается и останется *русским* государством при всей своей многоплеменности даже при проведении самого широкого национального равноправия (там же).

Тем самым именно органицистская логика в данном случае дает Булгакову возможность утверждать «самое широкое национальное равноправие», поскольку государство есть воплощение национального духа (там же): Россия оказывается «русским государством» как порождение русского народа, как форма его национального существования и,

не перестав быть собой, не может перестать быть и «русским государством». Однако толкование «нации» и «национальности» вне политического приводит к множественным парадоксам, игнорируемым Булгаковым, из которых назовем только самые явные:

- (1) если государство «национально [...] в своем ядре» и поскольку «нации не существуют без исторического покрова или облегающей их скорлупы» (Булгаков, 2008: 528), каковой является государство, то, следовательно, нации, не имеющие своего государства, пребывают в чужой (и чуждой) форме;
- (2) органическая логика подталкивает к принципу соответствия «нации» и «государства» (с вводимой оговоркой о «народах исторических» и соответствующей ассимиляции «народов неисторических»), но подобного рода тезис не вводится Булгаковым, в том числе и потому, что основными моментами напряжения в дискуссии о национализме в это время являются «польский» и «еврейский» вопросы⁴ — ни поляков, ни евреев Булгаков, разумеется, не может при всем желании отнести к «народам неисторическим», посему данный аргумент не звучит в его тексте;
- (3) стремление связать воедино «нацию» и «государство» в рамках одновременного тезиса о множестве наций внутри государства предполагает их политическую иерархию — а наднациональное политическое единство примиряется Булгаковым через иерархию «патриотизмов»: «из отдельных проявлений национального патриотизма образуется общегосударственный патриотизм» (там же: 530), но поскольку для наций, для которых данное государство не является их «скорлупой» (а таковыми оказываются остальные), оно не является их органическим проявлением, в логике Булгакова, то их «патриотизм» может быть исключительно прагматическим — поскольку мистика и эротика национального чувства в политическом аспекте увязываются им лишь через представление соотношения нации с государством.

Вопросы эти остаются на периферии внимания Булгакова в том числе и ситуативно — в первую очередь он откликается на полемику о «национальном лице» (см. выше), отстаивая «ту простую мысль, что русские суть русские и имеют право и обязанность чувствовать себя

⁴Именно на них останавливается и Струве в «Великой России» как на «двух самых важных», см.: Струве, 1997: 56–58.

русскими, так же как евреи чувствуют себя евреями» (Булгаков, 2008: 529 прим. 1), однако в итоге он приходит к следующему утверждению:

...самостоятельное государство представляет собой огромнейшую национальную ценность, а потому патриотизм распространяется неизбежно и на государство, и на политическое тело народа. Русское государство дорого мне не как *государство* [...], но как *русское* государство, в котором моя народность имеет свой собственный дом (там же: 530).

Контекстуально этот тезис прямо связан с публицистикой «Вех» и в первую очередь остаиваемой Струве ценностью государства — позиция, наиболее ярко выраженная в статье последнего «Интеллигенция и революция», где «идеиной формой русской интеллигенции» он называет «ее *отщепенство*, ее отчуждение от государства и враждебность к нему» (Струве, 1997: 192), видя в ней исторического преемника казачества в смысле «социального слоя, всего более далекого от государства и всего более ему враждебного» (там же: 191). Булгаков призывает осознать государство как «огромнейшую национальную ценность», «не как определенную форму организации правового порядка вообще», делая оговорку: «мы знаем, как велики его несовершенства в этом отношении» (Булгаков, 2008: 530), осознать ценность собственного государства как такового. Но это означает, что для «других народностей, стоящих под Российской державой» последняя не может иметь подобной ценности — тем более что последующее пояснение, вводимое Булгаковым, скорее создает новую неопределенность, когда он, говоря о «современной политической и экономической борьбе», пишет:

...национальный эгоизм, чувство национально-государственного самосохранения (так же как, если взять более узкую сферу, забота о благосостоянии своей семьи), неизбежно становится руководящей нормой политики, политической добродетелью. Ибо на нас лежит и обязанность, и ответственность как перед своими близкими, так и перед своими потомками (там же: 531).

В данном случае характерная неточность языка, присущая не только публицистическим, но и специально-философским текстам Булгакова, оставляет в недоумении, как именно следует понимать приведенное утверждение — кто должен быть субъектом этой политики, на благо кого должна она быть направлена: на нацию в органическом понимании или на сограждан, а также кто именно подразумевается под «мы» в последней фразе — то есть кто именно является носителем обязанностей и ответственности?

Критик Булгакова, кн. Е. Н. Трубецкой справедливо увидит в «Размышлениях...» попытку найти «средний путь» в отношении «национально-мессианских чаяний» (Трубецкой, 1994: 337). Согласно Трубецкому, Булгаков

предлагает некоторый компромисс между вселенским идеалом и старой славянофильской концепцией. С одной стороны, от его внимания не ускользнул тот факт, что Достоевский верил не в религиозное призвание только, а в «*исключительную миссию*» русского народа. С другой стороны, однако, в его собственном религиозном сознании против этой исключительности восстает вселенская христианская идея. Чтобы выйти из этого затруднения, он решил пожертвовать исключительностью, смирить гордость национального мессианства посредством «аскетического урегулирования» национального чувства (там же: 337–338).

Напоминая о выборе Иваном-царевичем трех дорог, Трубецкой настаивает: «...к счастью, есть еще и третий спасительный путь — налево: тут приходится пожертвовать любимым коньком. Зато сама религиозная мысль останется целой» (*Трубецкой, 1994: 337*).

Критика кн. Е. Н. Трубецкого выявляет в свою очередь основное содержание статьи Булгакова, а именно попытку решить задачу совмещения философии Вл. Соловьева и актуальной для автора и его круга национальной повестки. В отличие от Струве или Милюкова Булгаков, в силу первой части своей задачи, не решается пойти на реабилитацию самого понятия «национализм». Последний вслед за Соловьевым трактуется как «отвлеченное начало» — в отличие от «патриотизма», который объявляется «обязательным» (Булгаков, 2008: 528)⁵. Национализм предстает «национальным мессианством», лишенным противовеса и переходящим в «национальную исключительность» (там же: 527)⁶, в качестве «классического примера» которой Булгаков приводит «историю еврейства» (там же).

Пример именно истории еврейства как случая «национальной исключительности», «национализма» в «предсудительном» значении, глубоко принципиален в контексте последующих рассуждений Булгакова, не

⁵Ср.: «Национализмом у нас убивается патриотизм и косвенно поддерживается космополитизм, а в этом последнем, в свою очередь, находит духовную опору воинствующий национализм. Получается порочный круг» (Булгаков, 2008: 538).

⁶В данном случае Булгаков делает характерную оговорку, реагирующую на изменение словоупотребления, отождествляя «национальную исключительность» с тем, «что зовется *обыкновенно* [выд. нами. — А. Т.] национализмом» (там же: 527).

являясь (лишь) проявлением антиеврейских убеждений автора. Булгакову необходимо увязать свое понимание универсальности христианства с «национальным мессианством» — и это он делает через два элемента:

- (1) с помощью тезиса о необходимости, наряду с «национальным мессианством», «национального аскетизма», «исторического смирения»: «высота христианского идеала и возвышенность обетований не надмевает, но смиряет их подлинных носителей» (Булгаков, 2008: 527);
- (2) однако здесь он оказывается свободен от требования «национального самоотречения» (Вл. Соловьев), так как одновременно вводит второй тезис — фактически о множественности «национальных мессианизмов», поскольку «разные народности [...] каждая по-своему воспринимает Христа и изменяется от этого приятия» (там же: 534) и потому «можно говорить (вполне серьезно и без тени всякого кощунства) не только о русском Христе, но и о греческом, об итальянском, о германском, так же как и о национальных святых» (там же: 534–535).

Последний тезис фактически в скрытом виде вводится ранее, когда Булгаков утверждает: «...национальный мессианизм есть прежде всего чисто формальная категория, в которую неизбежно отливается национальное самосознание, любовь к своему народу и вера в него» (там же: 525). Следовательно, каждый народ является «мессианским» — но в этом случае «мессианство» явно секуляризируется, сближаясь с такими категориями, как «призвание» или «миссия». Это сближение достигается Булгаковым через акцентирование используемой Соловьевым параллели между человеком, народностью и Церковью: делая ударение на первом элементе этого ряда, человеку, Булгаков в итоге истолковывает существование всякой нации как имеющее свое предназначение, свой смысл — подобно конкретной человеческой жизни в христианском понимании; тем самым он возвращается к гердеровской трактовке, в свою очередь увязанной с лейбницеанской логикой порядка как музыкальной гармонии (см.: Кассирер, Махлин, 2004: 43–50).

Булгаков предлагает вариант решения задачи «реабилитации» национальной повестки в рамках философии Вл. Соловьева — вынужденный, в силу связанности исходной понятийной рамкой Соловьева, использовать вместо «национализма» неопределенное понятие «патриотизм», в свою очередь извлекая из этого терминологического выбора возможность совместить утверждение «русского государства» и «общегосударственный патриотизм», т. е. национальную и имперскую рамки.

Источники

- Булгаков С. Н.* Два града. Исследования о природе общественных идеалов / коммент. В. В. Сапова. — СПб. : Издательство Олега Абышко, 2008.
- Булгаков С. Н.* Свет невечерний: созерцания и умозрения. — СПб. : Азбука-Аттикус, 2017.
- Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1910 / сост. Н. Казаковой. — М. : Молодая гвардия, 1991.
- Гредескул Н. А.* Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Анти-Вехи [сб. «Интеллигенция в России» и «„Вехи“ как знамение времени»] / под ред. В. В. Сапова. — М. : Астрель, 2007. — С. 24–65.
- Милюков П. Н.* Интеллигенция и историческая традиция / под ред. В. В. Сапова. — М. : Астрель, 2007. — С. 91–176.
- Национализм. Полемика 1909–1917 / сост. М. А. Колерова. — 2-е изд. — М. : Модест Колеров, 2015.
- П. Г. [Струве П. Б.]* К характеристике нашего философского развития // Проблемы идеализма [1902] / под ред. М. А. Колерова. — 2-е изд. — М. : Модест Колеров, 2018. — С. 92–112.
- Соловьев В. С.* Сочинения. В 2 т. Т. II. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика / под ред. Н. В. Кортелева, Е. Б. Рашковского. — М. : Правда, 1989.
- Соловьев В. С.* Т. I / под ред. А. Ф. Лосева, А. В. Гулыги. — Мысль, 1990.
- Струве П. Б.* Patriotica: политика, культура, религия, социализм / под ред. В. Н. Жукова, А. П. Полякова. — М. : Республика, 1997.
- Струве П. Б.* Избранные сочинения / под ред. М. А. Колерова. — М. : Российская политическая энциклопедия, 1999.
- Трубецкой Е. Н.* Старый и новый национальный мессианизм // Смысл жизни. — М. : Республика, 1994. — С. 333–351.

ЛИТЕРАТУРА

- Кассирер Э.* Философия Просвещения / пер. с нем. В. Л. Махлина. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2004.
- Колеров М. А.* Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. — СПб. : Алетейя, 1996.
- Куренной В. А.* Межкультурный трансфер знания: случай «Логоса» // Исследования по истории русской мысли : ежегодник за 2008–2009 год. Т. 9 / под ред. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. — М. : Регнум, 2012. — С. 133–217.
- Миллер А. И.* Нация. Могущество мифа. — СПб. : ЕУ СПб, 2016.
- Тесля А. А.* Понятие «национализма» в теоретических воззрениях Вл. С. Соловьева // Русские беседы: уходящая натура. — М. : РИПОЛ классик, 2018. — С. 121–157.
- Толстая Е. Д.* Бедный рыцарь. Интеллектуальное странствие Акима Волынского. — М. : Мосты культуры, Гешарим, 2013.

Teslya, A. A. 2018. "Mezhdru Vl. Solov'yevym i 'natsionalizmom' [Between Vladimir Solovyev and Nationalism]: 'Razmyshleniya o natsional'nosti' S. N. Bulgakova v kontekste sporov o natsional-liberalizme 1909–1910 gg. [Reflections on Nationality' by Sergey Bulgakov in the Context of 1909–1910 National Liberalism Discussion]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (3), 89–106.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY; SENIOR RESEARCHER AT THE ACADEMIA KANTIANA, INSTITUTE FOR HUMANITIES, IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY, KALININGRAD

BETWEEN VLADIMIR SOLOVYEV AND NATIONALISM

“REFLECTIONS ON NATIONALITY” BY SERGEY BULGAKOV

IN THE CONTEXT OF 1909–1910 NATIONAL LIBERALISM DISCUSSION

Abstract: A shift towards a relative rehabilitation of “nationalism” as concept, and attempt to form a national-liberal position occur among the Russian liberal publicists and philosophers after the 1905 Russian revolution. A key part in this process is played by Peter Struve, who since 1906 occupied a rather marginal position in the Cadet Party, ideologically speaking: he was getting increasingly more right-wing than the majority of the party members. However, due to his previous engagement with the liberation movement as well as to his intellectual reputation, Struve was in many ways able to establish the agenda of discussion in the party. It is illustrative that “Milestones” anthology, which was the main event of 1909 in Russia’s intellectual history, was discussed in many respects in the context of nationalism; moreover, at the time a sequel of sorts to this anthology was expected, and it was supposed to be devoted to the topic of nationalism specifically. At the same time Sergey Bulgakov, one of the key contributors to the “Milestones”, addresses the problematics of “nations”, “nationalism” and the related concepts, aspiring to rehabilitate the word “nationalism” from the negative connotations which Vladimir Solovyov’s philosophical tradition has endowed it with, while staying himself within said tradition. While developing his own concept of “nation” within the framework of Solovyov’s writings as strictly restrictive, unlike Solovyov Bulgakov rehabilitates the conception of a particular state as an expression of the corresponding nation. Thus, in contrast with Solovyov’s imperial optics, Bulgakov suggests a perspective from which a national state should be considered regulatory. The detailed analysis of “Reflections on Nationality” shows that aspiration to position a national approach within the logic of Solovyov’s philosophy compels Bulgakov to deliver a strict exclusive concept of the national state which could not be overcome by means of Christian universalism, because every nation has its own “national Messianism” attributed to it, as well as its own, specific to it, knowledge of Christ.

Keywords: National Liberalism, Russian Nationalism, Philosophy of Vseinstvo, Vladimir Solovyov’s Philosophy, Sergey Bulgakov’s Philosophy.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-3-89-106.

REFERENCES

- Bulgakov, S. N. 2008. *Dva grada. Issledovaniya o prirode obshchestvennykh idealov [Two Cities. Studies of the Nature of Social Ideals]* [in Russian]. Comm. by V. V. Sapov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo Olega Abyshko.
- . 2017. *Svet nevecherniy: sozertsaniya i umozreniya [Unfading Light: Contemplations and Speculations]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Azbuka-Attikus.

- Gredeskul, N. A. 2007. "Perelom russkoy intelligentsii i yego deystvitel'nyy smysl [Crisis of Russian Intelligentsia and Its Real Meaning]" [in Russian]. In Sapov 2007, 24–65.
- Kassirer, E. [Cassirer, E.] 2004. *Filosofiya Prosveshcheniya [Die Philosophie der Aufklärung]* [in Russian]. Trans. from the German by V. L. Makhlin. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Kazakova, N., comp. 1991. *Vekhi. Intelligentsiya v Rossii. Sborniki statey 1909–1910 [Intelligentsia in Russia. Collected Articles 1909–1910]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Molodaya gvardiya.
- Kolerov, M. A. 1996. *Ne mir, no mech. Russkaya religiozno-filosofskaya pechat' ot "Problem idealizma" do "Vekh". 1902–1909 [Not Peace, but a Sword. Russian Religious and Philosophical Press from "Problems of Idealism" to "Milestones." 1902–1909]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- , comp. 2015. *Natsionalizm. Polemika 1909–1917 [Nationalism. The Controversy of 1909–1917]* [in Russian]. 2nd ed. Moskva [Moscow]: Modest Kolerov.
- Kurennoy, V. A. 2012. "Mezhkul'turnyy transfer znaniya: sluchay 'Logosa' [Intercultural Knowledge Transfer: the Case of 'Logos']" [in Russian]. In *Issledovaniya po istorii russkoy mysli [Studies on History of Russian Thought] : yezhegodnik za 2008–2009 god [2008–2009 Yearbook]*, ed. by M. A. Kolerov and N. S. Plotnikov, 9:133–217. Moskva [Moscow]: Regnum.
- Miller, A. I. 2016. *Natsiya. Mogushchestvo mifa [Nation. The Might of Myth]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: YeU SPb.
- Milyukov, P. N. 2007. *Intelligentsiya i istoricheskaya traditsiya [Intelligentsia and the Historical Tradition]* [in Russian]. Ed. by V. V. Sapov. 91–176. Moskva [Moscow]: Astrel'.
- P. G. [Struve, P. B.] 2018. "K kharakteristike nashogo filosofskogo razvitiya [To the Characteristics of Our Philosophical Development]" [in Russian]. In *Problemy idealizma [1902] [Problems of Idealism [1902]]*, 2nd ed., ed. by M. A. Kolerov, 92–112. Moskva [Moscow]: Modest Kolerov.
- Sapov, V. V., ed. 2007. *Anti-Vekhi [sb. "Intelligentsiya v Rossii" i "'Vekhi' kak znameniyе vremeni"] [Anti-Milestones [coll. "Intellectuals in Russia" and "'Milestones' as Sign of Times"]]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Astrel'.
- Solov'yev, V. S. 1989. *Chteniya o bogochelovechestve. Filosofskaya publitsistika [Readings on God-Manhood. Philosophical Publicism]* [in Russian]. Vol. II of *Sochineniya [Works]*, ed. by N. V. Kortelev and Ye. B. Rashkovskiy. 2 vols. Moskva [Moscow]: Pravda.
- . 1990. [in Russian]. Ed. by A. F. Losev and A. V. Gulyga. Vol. I. Mysl'.
- Struve, P. B. 1997. *Patriotica: politika, kul'tura, religiya, sotsializm [Patriotica: Politics, Culture, Religion, Socialism]* [in Russian]. Ed. by V. N. Zhukov and A. P. Polyakov. Moskva [Moscow]: Respublika.
- . 1999. *Izbrannyye sochineniya [Selected Works]* [in Russian]. Ed. by M. A. Kolerov. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Teslya, A. A. 2018. "Ponyatiye 'natsionalizma' v teoreticheskikh vozzreniyakh V. S. Solov'yeva [The Concept of 'Nationalism' in the Theoretical Views of V. S. Solov'yov]" [in Russian]. In *Russkiye besedy: ukhodiyashchaya natura [Russian Conversations: The Leaving Nature]*, 121–157. Moskva [Moscow]: RIPOL klassik.
- Tolstaya, Ye. D. 2013. *Bednyy rytsar'. Intellektual'noye stranstviye Akima Volynskogo [Poor Knight. Intellectual Wanderings of Akim of Volyn]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Mosty kul'tury / Gesharim.
- Trubetskoy, Ye. N. 1994. "Staryi i novyy natsional'nyy messianizm [National Messianism Old and New]" [in Russian]. In *Smysl zhizni [The Meaning of Life]*, 333–351. Moskva [Moscow]: Respublika.